

ЧЭНЬ ЦЗЯ-ВЭЙ

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
ПРОГРЕССИВНАЯ
ПАРТИЯ ТАЙВАНЯ
И ПОСТАВТОРИТАРНАЯ
МОДЕРНИЗАЦИЯ

Чэнь Цзя-вэй

**Демократическая
прогрессивная партия Тайваня и
поставторитарная модернизация**

«Алетейя»

2017

УДК 329(529)
ББК 66.69(5Кит)

Цзя-вэй Ч.

Демократическая прогрессивная партия Тайваня и
поставторитарная модернизация / Ч. Цзя-вэй — «Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906910-52-3

В монографии анализируется политическая ситуация в Китайской Республике (Тайване) с конца XX века и до настоящего времени. Автор доказывает, что в стране на протяжении рассматриваемого периода происходила поставторитарная модернизация, то есть некий симбиоз модернизации авторитарной, характерной для некоторых стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, и модернизации демократической, эталонным образцом которой являются трансформации стран Запада во второй половине XX – начале XXI века. Специфика поставторитарной тайваньской модернизации разбирается в привязке к особенностям сложившейся в этой стране на протяжении последних полутора-двух десятилетий фактически двухпартийной системы, при этом преимущественное внимание уделяется Демократической прогрессивной партии, которую исследовательница считает главным субъектом происходящих в стране перемен. Большое внимание в книге уделяется проблеме формирования особой – отличной от китайской – тайваньской идентичности, укоренению представлений об этой идентичности в менталитете тайваньцев. Книга рассчитана на студентов, исследователей и всех интересующихся современными политическими процессами в высокоразвитых обществах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

УДК 329(529)
ББК 66.69(5Кит)

ISBN 978-5-906910-52-3

© Цзя-вэй Ч., 2017

© Алтейя, 2017

Содержание

Предисловие	7
Введение	9
Глава 1	17
Поставторитарная модернизация: особенности понятийной интерпретации на примерах стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Чэнь Цзя-вэй
Демократическая прогрессивная партия
Тайваня и поставторитарная модернизация

Рекомендовано к публикации Диссертационным советом Д 501.001.27 при МГУ имени М. В. Ломоносова 24 марта 2016 г.

На обложке: панорама Тайбэя (фото: Кенни Тео)

Предисловие

Тайвань занимает необычное, в своем роде уникальное место на политической карте Восточной Азии. Наряду с Южной Кореей он является одной из двух стран этого региона, где сложилась полноценная демократия (если, согласно распространенному критерию, считать демократической страну, где по крайней мере дважды произошла мирная смена власти). И единственным демократическим государством в пределах так называемого Большого Китая. У демократии на Тайване нет «отца» или «архитектора». Она не является результатом сознательного политического курса или общественного движения. Она – плод реакции тайваньского общества на вызовы истории, реакции, как правило, импровизированной и нередко вынужденной. Ее объективной предпосылкой стала, конечно, быстрая модернизация тайваньской экономики и общества. А в субъективном плане главную роль здесь сыграла, как ни странно, неопределенность, двойственность тайваньской идентичности: тайваньцы никак не могут решить, в каком смысле они принадлежат Китаю, да и принадлежат ли вообще. Этот вопрос выходит далеко за рамки политических программ и споров. Его постоянное присутствие в жизни тайваньцев постепенно создало то пространство свободных дискуссий и взаимного уважения, без которого не может быть настоящей демократии.

В свое время вождь китайской революции Сунь Ятсен провозгласил, что хочет «посредством партии построить государство». С точки зрения западной политической науки – лозунг странный, если не сказать нелепый. Но это слияние партии и государства, слишком хорошо знакомое гражданам бывшего СССР, а в наши дни жителям КНР и даже Сингапура, указывает на существование некоей глубинной, почти не поддающейся формализации общности, которая определяет единство китайской цивилизации. Такова общность, создаваемая китайским идеалом ритуала, который иронически, но поверхностно воспринимается европейцами как чрезмерно манерные и потому подозрительные «китайские церемонии». На самом деле ритуал и его бесчисленные проявления в жизни китайцев всегда были незыблемыми нормами китайского уклада, требовавшими от жителей Поднебесной морального совершенствования. Этим нормам в эпоху модернизации соответствует деятельность авангардной партии. Тайвань с его недоумением относительно собственной принадлежности Китаю открывает альтернативный путь в китайской политике, но этот путь именно вследствие огромной жизненности ритуального мировоззрения не может получить – по крайней мере, пока – четкого политического оформления. Такой формой не могут быть партии с идеологией левого или правого направления по европейскому образцу. Во всяком случае, попытки создания таких партий на Тайване оказались безуспешными. Все-таки главный вопрос тайваньской политики, вокруг которого выстраиваются все политические позиции, – это вопрос о единстве с Китаем или отделенности от него. Из-за неразрешимости этого вопроса обе точки зрения существуют, скорее, гипотетически, являются лишь инструментом политической борьбы, а в реальной политике противостояние между ними почти стирается, обнажая... наследие старого доброго ритуализма. Необычная, но в своем роде поучительная ситуация, которая заставляет переосмысливать природу цивилизационного единства Китая и тем самым, как ни странно, дает ему новую жизнь.

Книга тайваньской исследовательницы Чэнь Цзя-вэй раскрывает многие тонкости этого, прямо скажем, непривычного и малопонятного для европейского наблюдателя положения. В ней впервые содержится систематический анализ политической системы современного Тайваня и роли его политических партий в процессе модернизации. Но главное, работа Чэнь Цзя-вэй открывает новые перспективы изучения политической культуры стран Дальнего Востока и в конечном счете указывает на возможности реформативирования политики в этом регионе. Реформативирования, которое позволит по-новому согласовать единство и разнообразие политических укладов в этом ключевом для судеб мира месте и двигаться к новым, глобаль-

ным по своему значению формам межгосударственного сотрудничества уже в масштабах всей Евразии. Нет сомнения, что данная книга станет важной вехой на этом пути.

В. В. Малявин
профессор университета Тамкан, Тайвань
9 ноября 2016 г., Даньшуй

Введение

В эпоху глобализации роль политических партий как классических институтов представительной демократии претерпевает существенные изменения. Партии по-прежнему выступают в качестве основных систем, сопрягающих общественное мнение и проводимый властными институтами политический курс. Однако эту функцию они в настоящее время выполняют иначе, чем раньше: изменилась стилистика деятельности партий, в их инструментарии стали преобладать другие способы общественной мобилизации, поменялся публичный дискурс, прежде типовая организационная структура стала более вариативной. Наконец, на рубеже XX–XXI вв. заметной стала региональная специфика партийных институтов – особенно в странах, не входящих в ареал государств Запада. В наиболее динамично развивающихся странах бывшего третьего мира именно такие партии с местной спецификой становятся главными субъектами авторитарных и поставторитарных модернизаций. Данное утверждение полностью подтверждается опытом трансформаций в так называемых азиатских тиграх – странах, в которых в настоящее время наблюдаются самые высокие в мире темпы роста и к которым относятся Южная Корея, Сингапур, Гонконг (как относительно самостоятельная часть КНР) и Тайвань.

Тайваньская Демократическая прогрессивная партия (ДПП), которой в основном посвящено настоящее исследование, является главным субъектом поставторитарной модернизации в этой стране. Однако важно подчеркнуть, что ДПП – именно главный, но не единственный партийный субъект перемен на Тайване. В равной мере такая оценка применима и к Гоминьдану, который собственно и осуществил авторитарную модернизацию Тайваня, а в поставторитарный период, существенно трансформировавшись, является конкурентным – а значит, и фактическим партнером – ДПП в дальнейшей демократизации жизни страны.

Однако из легкости адаптации тайваньским обществом демократических норм вовсе не следует, что программа и деятельность ДПП как основной политической силы процесса демократизации свободны от противоречий и партия не знает трудностей. Скорее наоборот: ненадежный характер демократизации и отсутствие антагонизма между Гоминьданом и ДПП в определенном смысле даже замедлили развитие новых политических форм, придали им несколько расплывчатый и незавершенный характер. Да и сам процесс продвижения к демократии имеет весьма специфический характер, отличающийся регулярными кризисами. В этом во многом и заключается суть местной поставторитарной модернизации, которая при сохранении стратегической ориентации на демократизацию часто упаковывается в оболочку с изрядным количеством элементов авторитарного прошлого.

Таким образом, изучение имеющихся в современной политической науке представлений о неклассической модернизации и о роли партий в современных демократиях, в том числе и демократиях незападного типа, позволит лучше понять специфику партийной системы современного Тайваня и той роли, которую играет ДПП как главный субъект поставторитарной модернизации.

Проблематика деятельности ДПП как ведущей силы поставторитарной модернизации тайваньского общества находится на стыке целого ряда исследовательских направлений политической науки и страноведческих подходов к изучению Тайваня. Подобная многоплановость потребовала критического сопоставления сведений из источников информации с результатами научного осмысления и обобщения исследований западных, тайваньских и китайских, а также российских ученых, выполненных с использованием разных теоретических установок.

Исследования по теме настоящей монографии можно подразделить на две группы – это труды, раскрывающие эволюцию воззрений на процессы модернизации и описывающие функционирование партий и партийных систем, и страноведческие работы.

Материалы первой группы можно, в свою очередь, систематизировать в несколько подгрупп. Это работы, в которых представлены базовые политологические подходы и категории, имеющие отношение к теме данного исследования¹, труды, характеризующие процессы модернизации и транзитологии, демонстрирующие состояние и динамику современной демократии (включая и роль политических партий)².

Существенное место занимают и труды, анализирующие процесс «огосударствления» ведущих политических партий Запада и их превращение в альтернативные властные институты³, а также партологические исследования, делающие акцент на типологических пара-

¹ Downs A. An Economic Theory of Democracy. New York: Addison Wesley, 1957. 310 p.; LaPalombara J., Weiner M. The Origin and Development of Political Parties // Political Parties and Political Development / Ed. by J. LaPalombara, M. Weiner. Princeton: Princeton University Press, 1966. P. 3–42; Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 356 p.; Ware A. Political Parties and Party Systems. Oxford: Oxford University Press, 1996. XIX, 435 p.; Хейвуд Э. Политология. М.: Юнити-Дана, 2005. 544 с.; Converse Ph. The Nature of Belief Systems in Mass Publics // Critical Review: A Journal of Politics and Society. 2006. Vol. 18. Issue 1–3. P. 1–74; Grugel J. Democratization: a Critical Introduction. Houndmills: Palgrave, 2002. 273 p.; Исаев Б.А. Теория политической системы // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 4. С. 57–69; Исаев Б.А. Современное состояние теории партий и партийных систем // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 2. С. 128–140; Исаев Б.А. Понятие и типология политических режимов // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 3. С. 88–97. ¹Sztompka P. Dilemmas of the Great Transition / Working Paper series. № 19. Cambridge, Mass.: Harvard Center for European Studies, 1992. 187 p.; Rostow W. The Stages of Economic Growth. 3rd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 324 p.; Organski A.F.K. The Stages of Political Development. New York: Free Press, 1965. 229 p.; Martinelli A. Global Modernization. London: Sage Publications, 2005. 148 p.; Карл Т.Л., Шмидтер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Полис. 2004. № 4. С. 6–27; Шмидтер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. 1996. № 5. С. 16–27; Шмидтер Ф. Размышления о «транзитологии»: раньше и теперь // Отечественные записки. 2013. № 6 (57). С. 8–25; Расмоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 5–15; Харитонова О. Г. Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // Полис. 1996. № 5. С. 70–78; Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–52; Травин Д. Я. Модернизация общества и восточная угроза России // Пути модернизации: траектории, развилки и тупики / Под ред. В. Гельмана и О. Маргания. СПб.: Издательство Европейской университет в Санкт-Петербурге, 2010. С. 111–150; Красильщиков Б.А. От авторитаризма к демократии на путях модернизации: общее и особенное // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Центр исследований постиндустриального общества; Европа, 2010. С. 215–230; Харитонова О. Г. Недемократические политические режимы // Политическая наука. 2012. № 3. Политические режимы в XXI веке: институциональная устойчивость и трансформации. С. 9–30; Krasilschikov V. From authoritarianism to democracy along the paths of modernization // Democracy versus Modernization / Ed. by V. Inozemtsev and Piotr Dutkewicz. New York: Routledge, 2013. P. 167–178; Huntington S. The Third Wave. Norman: University of Oklahoma Press, 1991. 366 p.; Пишцова С.И. Можно ли управлять демократией? // Полис. 2013. № 6. С. 171–183; 2014. № 1. С. 28–44; Мелъвиль А.Ю. «Кризис демократии» и «зависшие» демократизации // Российская политическая наука: идеи, концепции, методы / Под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 272–289; Чэнь Цзявэй. Поставторитарная модернизация: проблематизация понятия на примерах стран конфуцианской цивилизации // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 53. 2015. Ноябрь. С. 107–131.

² Schattschneider E. Party Government. Westport: Greenwood Press, 1977. 219 p.; Bessette J. Deliberative Democracy: The Majority Principle in Republican Government // How Democratic is the Constitution? / Ed. by R. Coldwin and W. Schambra. Washington: American Enterprise Institute, 1980. R102-116; Lefort C. The Political Forms of Modern Society. Oxford: Oxford University Press, 1986. 342 p.; Ware A. Citizens, Parties and States. Oxford: Polity Press, 1987. 282 p.; Mouffe Ch. The Return of the Political. London; New York: Verso, 1993. 156 p.; Kumar R. From Post-Industrial to Post-Modern Society. Oxford: Blackwell, 1995. 253 p.; ХансиЖ.-Л. Бытие единичное множественное. Минск: И. Логинов, 2004. 272 с.; Kothari R. Rethinking Democracy. London: Zed Books, 2005. 176 p.; Bell D.A. Beyond Liberal Democracy. Political Thinking for an East Asian Context. Princeton: Princeton University Press, 2006. 279 p.; Petit Ph. Depoliticizing Democracy // Deliberative Democracy and its Discontents / Ed. by S. Besson and J. L. Marti. Hampshire: Ashgate, 2006. P. 93–106; Исаев Б.А. Природа антидемократических тенденций в организации и деятельности политических партий и возможности их демократизации // Демократия в современном мире / Подред. Я.А. Пляйса и А.Б. Шатилова. М.: РОССПЭН, 2009. С. 122–136; Dalton R., Farrell D., McAllister I. Political Parties and Democratic Linkage. How Parties Organize Democracy. Oxford: Oxford University Press, 2011. 238 p.; Харитонова О. Г. Траектории посткоммунистических трансформаций в свете теории демократизации // Модернизация и политика: традиции и перспективы России. Политическая наука: Ежегодник 2011 / Под ред. А. И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2011. С. 29–68; Исаев Б.А. Условия, факторы, периоды и циклы развития демократии. Ч. 2 // Политэкс. 2012. Т. 8. № 4. С. 262–275; Харитонова О. Г. Траектории режимных изменений и пределы демократизации // Модернизация и демократизация в странах БРИКС: Сравнительный анализ / Под ред. И. М. Бусыгиной и И. Ю. Окунева. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 158–211; Mumpу С. К. Демократическая консолидация и многоуровневое управление в переходных обществах: некоторые общие уроки из опыта Индии // Демократии XXI века: смена парадигмы. Аналитический доклад Фонда ИСЭПИ и группы зарубежных авторов. М.: Rethinking Russia; XXI Democracies; Издательский дом Академии имени Н. Е. Жуковского, 2015. С. 255–286.

³ Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 2010. 760 с.; Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706; Weber M. The advent of plebiscitarian

метрах партийных институтов⁴. Особое значение для нашего исследования имеют работы, в которых рассматриваются взаимоотношения партий с представительными структурами и функционирование фракций внутри партийных институтов⁵. Тесно связаны с проблематикой настоящей монографии и труды, посвященные исследованию партийных систем «молодых демократий»⁶, а также затрагивающие вопросы электорального поведения избирателей (особенно касающиеся изменений, которые стали происходить в этой сфере начиная с последней трети минувшего века)⁷.

К сказанному следует добавить фундаментальные наблюдения В. Парето о «демагогической плутократии»⁸, а также Г. Моски о «политическом классе» и о системе уравнивающих друг друга «клик» как модели эластичной политической системы⁹. основополагающее значение для анализа поставторитарных политических систем имеет теория полиархии Р. Даля. Эта теория оценивает перспективы утверждения демократии в подобных системах с

democracy // *The West European Party System* / Ed. by P. Mair. Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 31–36; *Дюверже М.* Политические партии. М.: Академический проект, 2000. 538 с.; *Epstein Ph.* Political Parties in Western Democracies. London: Transaction Publishers, 1968. 387 p.; *Katz R., Mair P.* Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of the Cartel Party // *Party Politics*. 1995. Vol. 1. № 1. P. 5–28; *Kirchheimer O.* The Catch-All Party // *The West European Party System* / Ed. by P. Mair. Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 50–60; *Daalder H.* The “Reach” of the Party System // *The West European Party System* / Ed. by P. Mair. Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 78–90; *Mainwaring S., Torcal M.* Party system institutionalization and party system theory after the third wave of democratization // *Hand Book of Party Politics* / Ed. By R. S. Katz and W. Crotty. London: Sage, 2006. P. 204–207.

⁴ *Дюверже М.* Указ, соч.; *Lipset S.M., Rokkan S.* Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction // *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective* / Ed. by S.M. Lipset, S. Rokkan. New York: Free Press, 1967. P. 1–61; *Macridis R.* The History Formation and Typology of Parties // *Political Parties: Contemporary Trends and Ideal* / Ed. by Roy C. Macridis. New York: Harper & Row Meisel, 1967. P. 9–23; *Sartori G.* The Typology of Party System // *Mass Politics. Studies in Political Sociology* / Ed. by E. Allardt and S. Rokkan. New York: Free Press, 1977. P. 322–352; *Beyme von K.* Political Parties in Western Democracies. Aldershot: Gower, 1985. 444 p.; *Silverman L.* The Ideological Mediation of Party-Political Responses to Social Change // *European Journal of Political Research*. 1985. № 13. P. 69–93; *Lijphart A.* Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. New Haven: Yale University Press, 1999. 351 p.; *Исаев Б.А.* Теория партий и партийных систем. Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2008. 368 с.

⁵ *Дюверже М.* Указ, соч.; *Миллс П.* Властвующая элита. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 543 с.; *Rose R., Urwin D. W.* Persistence and Change in Western Party Systems, 1945–1969 // *The West European Party System* / Ed. by P. Mair. Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 185–194; *Маджоне Дж.* Социальная политика и управление: идеи, интересы, институты // *Политическая наука: новые направления* / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. С. 589–605; *Блондель Ж.* Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу. М.: Российская академия управления, 1992. 135 с.

⁶ *Хоффман-Ланге У.* Ценностная ориентация и поддержка демократии среди элитных и массовых групп в старых и новых демократиях // *Политические элиты в старых и новых демократиях* / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, А. П. Клемешева. Калининград: Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2012. С. 72–89; *Webb P.* Conclusion // *Webb P., Farrel D., Holliday I.* Political Parties in Advanced Industrial Democracies. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 438–460; *Webb P., White S.* Political Parties in New Democracies // *Party Politics in New Democracies* / Ed. by Paul Webb and Stephen White. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 119–146; *Dalton R. J.* Citizen Politics. Public Opinion and Political Parties in Advanced Industrial Democracies. New York; London: Chatham House, 2000. 310 p.; *LaPalombara J., Weiner M.* The Origins of Political Parties // *The West European Party System* / Ed. by P. Mair. Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 25–30; *Sartori G.* Structuring the Party System // *The West European Party System* / Ed. by P. Mair. Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 75–77; *Tornquist O.* Politics and Development: A Critical Introduction. London: SAGE Publications Ltd., 1999. 208 p.; *Roniger L.* Political Clientelism, Democracy, and Market Economy // *Comparative Politics*. 2004. Vol. 36. № 3. P. 353–375; *Коргунок Ю. Г.* Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд ИНДЕМ; Московский городской педагогический университет, 2007. 544 с.; *Волгин Е.И.* Политические партии России в начале нового века // *Государственное управление. Электронный вестник*. Вып. № 51. 2015. Август. С. 213–239.

⁷ *Pedersen M.N.* The Dynamic of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility // *European Journal of Political Research*. 1979. Vol. 7 (1). P. 1–26; *Neumann S.* The Party of Democratic Integration // *The West European Party System* / Ed. by P. Mair. Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 46–49; *Pizzorno A.* Parties in Pluralism // *The West European Party System* / Ed. by P. Mair. Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 61–74; *Панни Ф. У.* Политическое поведение: мыслящие избиратели и многопартийные системы // *Политическая наука: новые направления* / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. С. 262–280; *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014. 500 с.

⁸ *Парето В.* Трансформация демократии. М.: Территория будущего, 2011. С. 59.

⁹ *Моска Г.* Теорика правительств и парламентарное правление. М.: Национальный институт бизнеса, 2014. С. 256.

точки зрения того, насколько эффективно в их политическую культуру внедряется «публичное оспаривание»¹⁰.

Наибольшее значение для данной работы имеют методики исследования и оценки как отдельных партий, так и партийных систем в целом. В современной политологической литературе существуют несколько подходов к изучению партий.

Один из них ставит во главу угла внутреннюю организацию партий. Таков, например, взгляд на эволюцию партий в свете внутренних законов их развития, подобных законам биологической эволюции и жизненного цикла. Здесь в центре внимания исследователей оказывается собственно структура партии. Одним из таких имманентных законов является, например, концентрация власти в руках правящей верхушки по мере расширения и усложнения организации. Отсюда формула Р. Михельса: «Кто говорит об организации, тот подразумевает олигархию»¹¹.

Другой подход в русле того же «структуралистского» изучения партий обращает главное внимание на роль внешних обстоятельств, социальной среды, определяющих организацию партий. Он основан на предположении о том, что партии борются за власть в однородной среде и поэтому усваивают сходные черты организации. Таким образом, в каждый исторический момент в одном и том же обществе наблюдается единообразие форм организации и деятельности партий, что можно назвать эффектом исторического момента. Такова, в частности, эволюция партий в направлении организации «картельного» типа в современных демократиях¹².

Третий подход из разряда «структуралистских», стремящийся совместить внутренние и внешние факторы организации партий, называется «поколенческим эффектом». Он делает акцент на различии между образованием партии и последующими фазами ее развития. Первое определяется внешними обстоятельствами, тогда как эволюция партии обусловлена преимущественно внутренними факторами. Поэтому типы партийной организации различаются между собой по обстоятельствам зарождения партии¹³.

Качественно иной характер имеют методики исследования партий, в которых за точку отсчета берется их деятельность, в особенности ее мотивы и цели. Главное значение здесь имеет изменение параметров деятельности партии – например, смена программных установок или лозунгов вследствие резкого изменения политической ситуации. Впрочем, необходимо различать между изменениями целей партии, которые большей частью вызваны тактическими причинами, и постоянной ориентацией партии на власть.

Таким образом, современные политологи выделяют различные факторы формирования и эволюции партий – как внутренние (эндогенные), так и внешние (экзогенные). Оценки влияния и эффективности партий будут очень различаться между собой в зависимости от того, каким критерием мы пользуемся. В литературе еще не выработаны методы, которые способны предложить убедительный синтез упомянутых выше разнородных факторов. Но, на наш взгляд, наилучшие перспективы для достижения такого синтеза в теории организации и деятельности партий представляет институционально-исторический подход, сформулированный Б. Петерсом. Этот подход предлагает рассматривать организацию партии как своего рода стратегический ответ на общественную ситуацию, в которой существует партия. В современном демократическом обществе такими вызовами со стороны общества и, соответственно, наиболее важными объектами для анализа являются состав и настроения электората. Институционально-исторический подход учитывает как внутренние законы формирования и развития

¹⁰ Даль Р.А. Полиархия: участие и оппозиция. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. С. 13, 16.

¹¹ Michels R. Political Parties: The Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracies. New York: Free Press, 1962. P. 365.

¹² Katz R.S., Mair P. Op. cit.

¹³ Panebianco A. Political Parties: Organization and Power. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 318 p.

институтов, так и особенности исторического момента. Он исходит из посылки, что «политический выбор, сделанный в момент формирования института или при установлении нового политического курса, будет иметь длительное и во многом определяющее влияние на политику»¹⁴.

Для того чтобы объяснить, как организация партии воспроизводит себя и претерпевает изменения, исторический институционализм сводит воедино разные уровни анализа. Он принимает во внимание и фракционную борьбу внутри партий, порожденную «поколенческим эффектом», и влияние экзогенных факторов на структуру и деятельность партий, и способность организации к творческому, стратегически значимому ответу на вызовы действительности. Одним словом, историко-институциональный подход позволяет рассматривать эволюцию партий как результат всех указанных выше аспектов их структуры и деятельности. Он позволяет видеть, что существующие методики анализа и оценки партийных структур не являются взаимоисключающими.

Систематизацию страноведческих трудов следует начать с работ, посвященных исследованию общих вопросов развития партийных систем и политических режимов в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии¹⁵. К этой группе работ примыкают труды, в которых партийно-политическая проблематика анализируется на примерах конкретных стран или групп стран¹⁶. Поскольку данная монография написана на материале Тайваня, следует особо выделить работы, характеризующие общеполитические процессы в этой стране¹⁷, деятельность

¹⁴ *Peters B.G.* Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism. London and New York: Continuum, 1999. P. 61.

¹⁵ *Dittmer L.* Conclusion // *Informal Politics in East Asia* / Ed. by L. Dittmer, H. Fukui, P.N.S. Lee. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 290–308; *Marsh I.* Introduction // *Democratization, Governance and Regionalism in East and Southeast Asia* / Ed. by Ian Marsh. London and New York: Routledge, 2006. P. 1–15; *Hellmann O.* Political Parties and Electoral Strategy. The Development of Party Organization in East Asia. New York: Palgrave, 2011. 216 p.; *Tomsa D., Ufen A.* Introduction: Clientelism and Electoral Competition in Southeast Asia // *Political Parties in Southeast Asia: Clientelism and Electoral Competition in Indonesia, Thailand and the Philippines* / Ed. by D. Tomsa, A. Ufen. New York: Routledge, 2013. P. 1–19; *Емельянова Н. Н.* Перспективы «гибкой власти» в Азии (на примере Китая и Индии) // *Власть*. 2015. № 6. С. 186–191; *Чэнь Цзя-вэй.* Патрон-клиентские отношения в партийных системах стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии // *Власть*. 2015. № 11. С. 210–213.

¹⁶ *Leiserson M.* Factions and Coalitions in One-Party Japan: An Interpretation Based on the Theory Games // *The American Political Science Review*. 1968. Vol. 62. № 3. P. 770–787; *Apter D.* China and Vietnam: Viable Socialism in a Market Economy // *State Capacity in East Asia* / Ed. by K. E. Brodgaard and S. Young. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 269–306; *Shambaugh D.* China's International Relations Think Tanks: Evolving Structure and Process // *The China Quarterly*. 2002. № 171. P. 575–596; *The Search for Deliberative Democracy in China* / Ed. by E. Leib and Baogang Hu. New York: Palgrave, 2006. 288 p.; *Quansheng Zhao.* Moving between the inner and the outer circle. Think tanks and policy making in China // *Elites and Governance in China* / Ed. by Xiaowei Zang and Chien-wen Kou. New York: Routledge, 2013. P. 54–72; *George T.J.S.* Lee Kuan Yew's Singapore. London: Andre Deutsch, 1973. 222 p.; *Chua Beng-Huat.* Communitarian Ideology and Democracy in Singapore. London and New York: Routledge, 1995. 237 p.; *Haas M.* Mass Society // *The Singapore Puzzle* / Ed. by M. Haas. Westport: Praeger, 1999. P. 1–13; *Kristoff N.* At Crossroads of Democracy South Korea hesitates // *New York Times*. July 10, 1996; *Shin D. C.* Mass Politics and Culture in democratizing Korea. New York: Cambridge University Press, 1999. 335 p.; *Kang W.* Generation and Electoral Politics in South Korea // *Dialogue + Cooperation*. 2005. Vol. 5. № 1. P. 39–51; *Freedman A.* Political Change and Consolidation. Democracy's Rocky Road in Thailand, South Korea and Malaysia. New York: Palgrave, 2006. 184 p.

¹⁷ *Li K.T.* The Evolution of Policy Behind Taiwan's Development Success. New Haven: Yale University Press, 1988. 189 p.; *Ping-lung Jiang, Wen-cheng Wu.* The Changing Role of the KMT in Taiwan's Political System // *Political Change in Taiwan* / Ed. by T. J. Chang and S. Haggard. Boulder: Lynne Rienner, 1992. P. 75–94; *Whitehead L.* The Democratization of Taiwan: A Comparative Perspective // *Democratization in Taiwan. Implications for China* / Ed. by S. Tsang, Hung-mao Tien. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1999. P. 168–185; *Ларин А. Г.* Два президента, или Путь Тайваня к демократии. М.: Academia, 2000. 200 с.; *Галенович Ю. М.* Самоутверждение сыновей Тайваня. М.: Муравей, 2002. 200 с.; *Пань Бин Хун.* Демократический процесс на Тайване: опыт, проблемы, перспективы. Дисс. ... канд. полит. наук. Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 2003. 279 с.; *Copper J.F.* Consolidating Taiwan's Democracy. Lanham: University Press of America, 2005. 198 p.; *Головачев В. Ц.* Тайваньское радио спросили: 100 ответов слушателям Международного радио Тайваня. М.: Муравей, 2005. 256 с.; *Карнеев А. Н.* Теория «мирного подъема Китая» и Тайвань // *На пути к созданию механизма обеспечения мира и стабильности в Тайваньском проливе* / Под ред. А.Н. Карнеева. М.: Гуманитарий; Академия гуманитарных исследований, 2005. С. 43–51; *Lynch D. C.* Rising China and Asian Democratization: Socialization to "Global Culture" in the Political Transformations of Thailand, China, and Taiwan. Stanford: Stanford University Press, 2006. 320 p.; *Ларин А. Г.* Тайвань – социально-экономический, политический, идеологический феномен // *История и современность*. 2006. № 1. С. 72–88; *Головачев В. Ц.* Тайвань на заре XXI века – смена символов, ритуалов и предрассудков // *Подъем Китая: значение для глобальной и региональной стабильности* / Под ред. А.Н. Карнеева. М.: Рубежи XXI века, 2007. С. 329–351; *Rigger S.* The Politics of Constitutional Reform in Taiwan // *Taiwan's Democracy*. Economic

отдельных партий и функционирование партийной системы в целом¹⁸, отдельные актуальные проблемы и специфические аспекты сегодняшней повестки¹⁹, аксиологические аспекты поиска тайваньской идентичности²⁰.

В свете сказанного большое значение приобретает сравнительное изучение цивилизаций. Определенное влияние на современную политическую науку оказала работа С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций»²¹. Ученый исходит из тезиса о невозможности диалога между отдельными цивилизациями и, как следствие, неизбежности конфликтов между ними. Данный факт, по мысли Хантингтона, способствует росту национального самосознания в современном мире. При этом нормативные аспекты культуры низводятся исследователем до уровня повседневной жизни. Особенно острым Хантингтону видится конфликт между Западом и великими цивилизациями Востока – арабо-мусульманской, индийской, китайской, японской (послед-

and Political Challenges / Ed. by R. Ash, J. W. Carver and P. B. Prime. New York: Routledge, 2011. P. 37–50; Taiwan's Democracy. Economic and Political Challenges / Ed. by R. Ash, J. W. Carver and P. B. Prime. New York: Routledge, 2011. IX, 199 p.; *Fell D.* Government and Politics in Taiwan. London and New York: Routledge, 2012. 278 p.; *Дай Баоцунь*. Тайвань чжэнчжи ши [Политическая история Тайваня]. Тайбэй: Унань, 2008. 423 с.; *Чэнь Хунту*. Тайвань ши [История Тайваня]. Тайбэй: Саньминь, 2004. 227 с.; Тайвань лиши ды цзин юй чуан [Зеркало и окно тайваньской истории] / Под ред. Сяо Синьхуана. Тайбэй: Чжаньван вэньцзяо, 2002. 383 с.; *Цзэн Ичан*. Бэйцин даого сыбайнянь [Четыреста трагических лет островного государства]. Тайбэй, 2007. 663 с.; *Ма Инцзю*. Юаньсян цзиншэнь. Тайвань ды гуйфань гуши [Изначальный дух. Образцовая история Тайваня]. Тайбэй: Тянься, 2007. 249 с.; Цзяньван чжилай. Чэнь шуйбянь чжичжэн люнянь цзяньтао [Изучая прошлое, узнаем будущее: обсуждение шестилетнего правления Чэнь Шуйбяня] / Под ред. Гэ Юнгуан. Тайбэй: Юши, 2006. 118 с.; *Тан Фэй*. Тайбэй хэпин чжи чунь [Весна мира в Тайбэе]. Тайбэй: Тянься юаньцзянь, 2011. 341 с.; *Чэнь Цзя-вэй*. Политический стиль тайваньского президента Чэнь Шуйбяня: символика и действительность (2000–2008) // Клио. 2013. № 5 (77). С. 115–119.

¹⁸ *Rigger S.* From Opposition to Power: Taiwan's Democratic Progressive Party. London: Rienner Publishers, 2001. 225 p.; *Fell D.* Party Politics in Taiwan: Party Change and the Democratic Evolution of Taiwan, 1991–2004. New York: Routledge, 2005. 200 p.; *Fell D.* Partisan issue competition in contemporary Taiwan // Chinese History and Society. 2007. № 32. P. 23–39; *Rigger S.* Why Taiwan Matters. Lanham: Rowman & Littlefield, 2011. 211 p.; *Цзюй Хаймао*. Миньцзиньдан шэхуэй цзичу яньцзю [Исследование социальной базы ДПП]. Тайбэй: Шуйню, 2006. 151 с.; *Лю Хун*. Миньцзиньдан чжичжэн чжуанкуан яньцзю [Исследование состояния правления ДПП]. Тайбэй: Шуйню, 2006. 217 с.; *Чжан Жуйчан*. Миньцзиньдан линдао цзегоу вэйчи пайси гунчжи [Руководящие органы ДПП обеспечивают совместное управление фракциями] // Чжунго шибао. 5 января 2004; *Тан Чжан-жун*. Миньцзиньдан юй дифан шили цземэн чжи яньцзю: и 2001 нянь цзяи сянь шичжан сюаньцзюй вэй ли [Исследование сотрудничества ДПП с местными влиятельными силами: на примере выборов мэров городов в уезде Цзяи в 2001 г.]. Тайбэй: Голи чжунчжэн дасюэ чжэнчжисюэ яньцзюсо, 2010. 180 с.; *Степанова Е. Н.* Демократическая прогрессивная партия Тайваня и женский электорат // Международные отношения. 2013. № 1. С. 37–49. DOI: 10.7256/2305–560X.2013.01.6; *Малявин В. В.*, *Чэнь Цзя-вэй*. Демократическая прогрессивная партия и особенности политического строя на Тайване // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 6. С. 118–129; *Чэнь Цзя-вэй*. Социальная база Демократической прогрессивной партии Тайваня // Клио. 2013. № 1 (73). С. 35–40; *Чэнь Цзя-вэй*. Политические партии как субъекты поставторитарной модернизации в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (на материале Тайваня). Дисс. ... канд. полит. наук. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2016. 166 с.

¹⁹ *Карнеев А. Н.* Анти-черно-золотой поход Чэнь Шуйбяня: год спустя // Тайвань на рубеже веков: новые условия и новые вызовы / Под ред. А. Н. Карнеева. М.: Гуманитарий; Академия гуманитарных исследований, 2001. С. 128–147; *Карнеев А. Н.* Коррупция, грязные деньги и экономика личных связей в восточноазиатском капитализме (на примере Тайваня) // Азиатско-Тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век / Под ред. В. Н. Соколова. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2004. С. 368–382; *Журбей Е. В.* «Мозговые центры» Тайваня: история вопроса // Известия Восточного института. 2012. № 1. С. 29–41; *Lin Jih-wen.* Transition Through Transaction: Taiwan's Constitutional Reform in the Lee Teng-hui Era // American Asian Review. 2002. Vol. 20. № 2. P. 123–155.

²⁰ *Yang L.* Cross-Talk and Culture in Sino-American Communication. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 177 p.; *Lam Wai-man, Lam Kay Chi-yan.* Civil Society and Cosmopolitanism: Identity Politics in Hong Kong // Identity Politics in the Age of Globalization / Ed. by R. A. Coate and M. Thiel. Boulder, Colo: First Forum Press, 2010. P. 57–82; *Hughes C. R.* Negotiating National Identity in Taiwan: Between Nativization and Desinization // Taiwan's Democracy. Economic and Political Challenges / Ed. by R. Ash, J. W. Carver and P. B. Prime. New York: Routledge, 2011. P. 1–22; *Mau-Kuei M.Ch.* Taiwanese Nationalism and Democratic Values // Asian New Democracies: The Philippines, South Korea and Taiwan Compared / Ed. by M. Hsin-Huang. Taipei: Taiwan Foundation for Democracy; Center for Asia-Pacific Area Studies, RCHSS, Academia Sinica, 2008. P. 230–254; *Ишуткина Ю. А.* Формирование и репрезентация национальной идентичности тайваньцев. Дисс. ... канд. культурологии. Владивосток: Дальневосточный государственный технический университет, 2006. 201 с.; *Малявин В. В.* Империя ученых. М.: Европа, 2007. 378 с.; *Малявин В. В.* Китай управляемый. Старый добрый менеджмент. М.: Европа, 2007. 306 с.; *Малявин В. В.* Уроки тайваньской демократии // Отечественные записки. 2007. № 6 (39). С. 197–213; *Головачев В. Ц.* Кризис глобальной идентичности и духовная деколонизация Тайваня // Азия и Африка сегодня. 2010. № 1. С. 38–40; *Малявин В. В.* Евразия и всемирность. Новый взгляд на природу Евразии. М.: Рипол-Классик, 2015. 351 с.; *Чэнь Цзя-вэй*. Тайваньская идентичность: локальная, национальная, глобальная? // Развитие и экономика. Научный и общественно-политический альманах. 2013. № 7. Сентябрь. С. 134–141.

²¹ *Huntington S.* The Clash of Civilizations // Foreign Affairs. March – April 1993. Vol. 72. № 3. P. 22–49.

нюю Хантингтон выделяет в качестве отдельной цивилизационной традиции). Для настоящего исследования концепция Хантингтона важна тем, что позволяет трактовать отношения между континентальным Китаем и Тайванем в категориях конфликта цивилизационных укладов. Такие попытки уже предпринимались в литературе²². Этот подход широко используется идеологами ДПП в их политической борьбе.

Тайваньцам приходится решать проблему культурной идентичности с учетом самых разных факторов. Среди них отношения к континентальному Китаю, к Японии, к глобальному миру и, наконец, к собственному культурному наследию. Программные установки и реальный политический курс ДПП в полной мере отразили эту сложность: руководители и идеологи партии определяют свою позицию через отношение к этим внутривнутриполитическим и внешнеполитическим «реперным точкам». В их риторике критический пафос и апологетика очень тесно переплетаются между собой. Например, усердно разоблачается «миф» о существовании «единого Китая» и с не меньшим усердием пропагандируется идея о том, что на Тайване сложилась единая нация. Отсюда исключительно значимую роль для данной монографии сыграла работа Б. Андерсона «Воображаемые сообщества». Особенно важными представляются выводы ученого о «креольских сообществах» и «креольских государствах», а также о том, почему именно в этих социумах проблема формирования национального самосознания и восприятия собственной идентичности стоит гораздо острее, чем в их метрополиях²³.

Эмпирическую базу исследования составляют официальные документы и материалы о деятельности президента и его администрации, правительства, законодательных органов, местной администрации, их нормативные акты, государственная статистика. Используются программные документы ДПП, в которых излагаются политические цели партии, дается видение путей развития Тайваня, перечисляются основные задачи экономической, социальной и культурной политики партии и т. п. К этой группе источников относятся устав и программа ДПП, различные нормативные акты, регулирующие деятельность партии, партийные манифесты и заявления, касающиеся актуальных вопросов политической жизни Тайваня. Весьма важны рабочие документы и материалы, издаваемые руководством ДПП для партийных функционеров. При этом учитывались и версии документов ДПП на западных языках, поскольку в них содержатся формулировки политики партии, обращенные к мировой общественности и часто не совпадающие с китайским оригиналом. Привлекались статьи, речи, выступления, интервью, заявления руководителей Китайской Республики в 2000–2008 гг., занимавших в этот период высшие государственные посты и одновременно возглавлявших ДПП. Исключительно важны и документы, относящиеся к деятельности других политических партий Тайваня. Ценную информацию содержат аналитические исследования и доклады различных общественных фондов и исследовательских центров. Не будучи напрямую ангажированными государственными структурами и политическими партиями, они зачастую дают наиболее объективную картину ситуации в стране. Чрезвычайно значимы и авторские аналитические и публицистические материалы, работы политических экспертов разных политических направлений. Уделяется большое внимание материалам тайваньских СМИ, в первую очередь печатных, которые позволяют во всех деталях восстановить хронологию событий и дают широкий информативный срез текущей политической ситуации. Автор обращается и к материалам социологических опросов. На Тайване существует разветвленная система проведения опросов населения по актуальным политическим проблемам. Результаты опросов широко комментируются в СМИ и в значительной степени формируют общественное мнение на Тайване. Задействованы в работе

²² Цюаньцюхуа – чунту юй гунцунь [Глобализация – конфликт и сосуществование] / Department of Sociology of the Chinese University of Hong Kong, 2013 // [Электронный ресурс] – URL: http://www.cuhk.edu.hk/soc/courses/ih/globalization/lect05/e_lecture-chi.htm (дата обращения: 17.07.2014).

²³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. С. 71, 88, 208.

и воспоминания, среди их авторов – один из зачинателей движения за национальное самоопределение Тайваня Хуан Вэньсюн, убитый в США еще в 1970 г., его сподвижник Пэн Минминь, а также сингапурский лидер Ли Куан Ю.

Таким образом, имеющаяся источниковая база позволяет раскрыть содержание и специфические признаки поставторитарной модернизации и определить роль политических партий как субъектов общественно-политического развития в неклассических демократиях Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. На этой теоретической основе появляется возможность исследовать процесс формирования партийной системы Тайваня, проанализировать роль ДПП в процессе модернизации политической системы и общества этой страны, рассмотреть саму поставторитарную тайваньскую модернизацию в контексте традиций конфуцианской цивилизации и ключевых представлений о национальной идентичности. Как показывает приведенный обзор литературы, именно в такой формулировке исследовательская тема не ставилась, хотя при этом, несомненно, имеет право на существование.

Глава 1

Место политических партий в процессе поставторитарной модернизации

Поставторитарная модернизация: особенности понятийной интерпретации на примерах стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии

Феномен модернизации давно и подробно изучается различными социогуманитарными дисциплинами. В фокусе внимания исследователей оказываются разные модели модернизации, в том числе и существенно отличающиеся от модели, которую можно условно считать классической, описывающей тот способ развития, которым общества и государства Западной Европы и Северной Америки следовали начиная с Нового времени и которого в целом продолжают придерживаться до настоящего времени. В частности, отдельным направлением исследований стало рассмотрение модернизационных моделей, основывающихся не на демократической политической традиции, а на авторитарных началах, – так называемой авторитарной модернизации. Вместе с тем до сих пор не получила своего сколько-либо развернутого объяснения модель модернизации, которую можно условно назвать поставторитарной²⁴, то есть такой, которая была начата как авторитарная, но затем – после демократизации политического режима – трансформировалась, стала в основном соответствовать эталонной западной модели, но при этом сохранила определенный набор характеристик (правда, уже не системообразующих и в известной мере второстепенных), присущих авторитарной модернизации.

Именно такая – поставторитарная – модернизация происходит в современной Китайской Республике на Тайване. Тайвань во многих отношениях представляет собой особый случай в ареале Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, поскольку его новейшая история является уникальным примером успешного превращения жесткого авторитарного режима, при котором началось форсированное развитие страны, в устойчивое, динамично развивающееся демократическое общество, сохраняющее, тем не менее, некоторые авторитарные черты. Во многом аналогичную модернизацию переживает сегодня Южная Корея, а вот Япония – еще один сосед Тайваня – уже прошла в своем развитии этап поставторитарной модернизации. У двух других соседей острова – Китая и Сингапура – продолжается авторитарная модернизация, благодаря которой им удалось добиться впечатляющих результатов в своем развитии.

При этом Тайвань, Китай, Сингапур и во многом Южная Корея в культурном отношении исключительно близки друг к другу – их объединяет принадлежность к единой конфуцианской цивилизации. Конфуцианская традиция обуславливает исключительно устойчивую само-

²⁴ Данный термин был употреблен – правда, вскользь, без необходимого разъяснения – Т. Л. Карл и Ф. Шмиттером. Исследователи указывали на сложность при анализе «поставторитарных транзитов» разобраться в том, когда перед нами «смена режимов», то есть «переход от автократии к некой форме демократии», а когда – «внутреннее изменение», или «переход от одного типа автократии к другому». См.: *Карл Т.Л., Шмиттер Ф.* Указ. соч. С. 10. В. А. Красильщиков, анализируя специфику перехода от авторитарных режимов к режимам демократическим в странах Востока, напротив, характеризует сам феномен поставторитарной модернизации, не употребляя при этом данного термина. Так, говоря о «консервативной модернизации», исследователь полагает, что в азиатских «новых индустриальных странах» она начинает со временем пробуксовывать: «конфуцианские традиции» входят в противоречие с потребностью регулярно «нарушать принципы иерархии и подчинения авторитетам», так как без этого «невозможен переход к постиндустриальной экономике». Однако если при этом «продолжается рост благосостояния, сохраняются и даже расширяются каналы социальной мобильности», то «политическая модернизация может оказаться отложенной или выборочной». См.: *Красильщиков В. А.* Указ. соч. С. 217–218, 225.

бытность принадлежащих к ней сообществ. Так, Л. Янг утверждает, что китайская традиция создала очень самобытный, совсем непохожий на западный культурный мир, где «соотнесенность ценится выше самостоятельности, взаимозависимость – выше способности», а личность понимается в ней, скорее, как «личность-в-сообществе, личность-в-контексте, член чего-то большего, чем она сама». Китайской культуре, добавляет исследовательница, свойственно внимание к «отсутствующей цельности» бытия, чему нет аналогов в европейской мысли²⁵. Подобная сущностная непохожесть друг на друга китайского и западного способов развития предопределила и кардинальное отличие модернизационных моделей обеих цивилизаций, на что указывает, в частности, Д.Я. Травин, называющий китайскую модель «модернизационной дремой» и даже на ее примере допускающий, что «XXI век качественно изменил ситуацию и обеспечил „конец истории модернизации“ в том виде, в каком мы ее сегодня знаем»²⁶.

Вместе с тем культурные особенности конфуцианской цивилизации не являются препятствием для модернизации стран этого ареала. Такое убеждение сегодня лежит в основе официальной политики в КНР и Сингапуре. Более того, все больше западных ученых находят в культурных традициях конфуцианской цивилизации хорошую основу для эффективной демократии, даже если эта демократия не соответствует стандартам западного либерализма. Например, Д. Белл и ряд других ученых, разрабатывающих модель «нелиберальной» демократии, считают вполне дееспособной китайскую модель демократии, когда власть в соответствии с традиционными принципами общественного устройства делегируется тем, кто выдержал авторитетный общегосударственный конкурс²⁷.

Чтобы точнее разглядеть, как само понятие модернизации соотносится с историей обществ конфуцианской цивилизации, следует сначала обратиться к его теоретическим истокам. Проблема модернизации, поставленная в ее классической для западной науки формулировке в XIX в. и получившая наиболее полное оформление в работах М. Вебера, на первых порах отражала европейский взгляд на мировую историю: она подразумевала резкое противопоставление «традиционных» и «современных» обществ и неизбежность превращения первых во вторые. В сущности, представления о модернизации явились составной частью теории исторического прогресса – секуляризированной версии христианской телеологии и родственных христианству религиозных традиций. Главным критерием модернизации обычно считается уровень рационализации экономического, социального и политического строя, что выражается в подъеме общественного благосостояния, прогрессе в разделении труда, благодаря чему общественная жизнь становится более сложной и более интегрированной. В ряду наиболее существенных аспектов модернизации можно выделить следующие:

- ускоренное развитие науки и техники, которые становятся главной движущей силой экономики и общественной эволюции;
- индустриализация, основанная на машинном производстве;
- складывание мирового капиталистического рынка;
- структурная дифференциация и специализация в общественной жизни;
- рост миграции населения и социальной мобильности;
- секуляризация социальных институтов;
- демократизация образования и распространение массовой культуры;
- появление новых форм материальной и символической коммуникации, претендующих на общечеловеческую значимость.

С точки зрения социальных институтов модернизацию принято связывать прежде всего с распространением светского высшего образования, благодаря которому формируется соци-

²⁵ Yang L. Op. cit. P. 131.

²⁶ Травин Д. Я. Указ. соч. С. 139.

²⁷ Bell D.A. Op. cit. P. 153–179.

альная база для науки и техники. Другим институтом модернизации следует считать ориентированный на рынок промышленный капитализм. Третий признак поступательного развития процесса модернизации – национальное государство, которое стоит на принципах индивидуализма и национального единства.

В политическом отношении модернизация главным образом означает вовлечение широких масс населения в политику и легитимацию государственной власти, которая устанавливает всесторонний контроль над территорией государства и его населением, а также монополию на насилие. Негативные последствия модернизации были хорошо видны уже в XIX в. К. Маркс предлагал устранить их с помощью социалистической революции. М. Вебер видел главную угрозу в бюрократической рационализации государственных институтов, которая подавляет свободы личности и демократию, что подтвердилось в практиках тоталитарных режимов первой половины XX в. – фашистского и коммунистического. В западной литературе принято считать их «извращением» модернизационного процесса и даже «ложной», «фиктивной» модернизацией, поскольку в них только «имитируются» демократические свободы, а элементы современного общественного устройства смешаны с пережитками традиционных укладов²⁸.

В западной литературе сложилось устойчивое представление об исторических фазах процесса модернизации. Классической работой здесь является исследование У. Ростоу «Стадии экономического роста». У. Ростоу выделяет пять стадий: 1) традиционное общество; 2) предпосылки для взлета; 3) взлет; 4) достижение зрелости и 5) эпоха массового потребления²⁹.

Основываясь на подходе У. Ростоу, А. Органски разработал схему модернизации, которая интересна тем, что в ней основное внимание обращается как раз на политическую модернизацию. А. Органски выделяет следующие этапы модернизации в политической сфере: 1) «первичное объединение», т. е. обеспечение контроля государства над территорией и населением; 2) индустриализация; 3) политика государства благосостояния, что означает адаптацию политики к интересам широких слоев общества; 4) политика в обществе изобилия³⁰.

Отталкиваясь от этой схемы, А. Мартинелли предложил рассматривать политическую модернизацию в свете определенной последовательности «политических кризисов»: во-первых, кризис идентичности, сопутствующий возникновению нации и национального государства; во-вторых, кризис легитимации, связанный с установлением всестороннего государственного контроля над территорией государства и обществом; в-третьих, кризис проникновения (имеется в виду включение в политику всего населения); в-четвертых, кризис участия в политике, связанный с признанием властью интересов новых общественных групп; в-пятых, кризис интеграции, связанный с созданием политической системы, объединяющей все ветви власти и общественные институты; в-шестых, кризис распределения, связанный с необходимостью перераспределения общественных благ³¹.

В последнее время в западной политической мысли получила развитие система представлений и теоретических обобщений, названная транзитологией. Транзитология может рассматриваться как непосредственное продолжение теории модернизации, однако это продолжение в данном случае оказывается существенно суженным и сводится фактически к единственной проблеме – переходу от авторитаризма к демократии, что как раз и имеет самое непосредственное отношение к поставторитарной модернизации. Точнее, для проблематизации поставторитарной модернизации представляют интерес не закономерности и общие правила, фиксируемые транзитологией, но исключения, частные случаи, особенности и специфические проявления демократического транзита, то есть все те политические феномены, которые

²⁸ *Sztompka P.* Op. cit. P. 21–23.

²⁹ *Rostow W.* Op. cit. P. 12.

³⁰ *Organski A.F.K.* Op. cit. P. 35–67.

³¹ *Martinelli A.* Op. cit. P. 44–46.

бывают главным образом в ареалах незападных политических культур. Следует отметить, что и сами основоположники транзитологии исключительно внимательно относятся к любого рода нетипичным казусам, причем даже в рамках классического западного пути демократического транзита. Так, Ф. Шмиттер считает, что «полезно учитывать „врожденные пороки“ процесса демократизации, обусловленные не только характерными для данного общества структурными особенностями, но и сопутствующими обстоятельствами, возникающими непосредственно в момент смены режима»³².

Тем не менее транзитологический подход применим для изучения модернизационных процессов на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии лишь с определенными оговорками. Можно указать две причины подобной ситуации.

Во-первых, транзитология изначально – можно даже сказать, инструментально – настроена на восприятие некоего временного переходного состояния с априорно обозначенными начальной и финальной точками движения. Понятно, что подобная переходность может оказаться и довольно продолжительной по времени. Но очевидная предзаданность, сводящаяся к тому, что неизбежный набор перемен в любом случае будет иметь место и эти перемены приведут к более или менее прогнозируемому результату, может существенно воспрепятствовать пониманию самого состояния транзита – особенно в тех случаях, когда такой транзит принимает как бы «затвердевшие» формы. В этом смысле Б. А. Исаев справедливо замечает, что у любой «национальной демократии» есть собственная «траектория движения», которая отнюдь не предполагает обязательного прохождения всех фаз развития³³. Симптоматично и пессимистическое замечание Д. Растоу: «Явная неудача при разрешении какого-то животрепещущего политического вопроса ставит под удар будущее демократии. Когда же нечто подобное происходит в начале стадии привыкания, последствия могут оказаться роковыми»³⁴.

Во-вторых, типология транзитных состояний – например, четыре модели транзитов Т. Л. Карл и Ф. Шмиттера («пактовые», «навязанные», «революционные», «реформистские») – выглядит слишком отвлеченной и малопригодной для описания специфических состояний транзитов на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

Однако в некоторых аспектах транзитологические наработки представляются исключительно точными и помогают объяснить специфику демократического перехода в рассматриваемом мегарегионе. Так, Т. Л. Карл и Ф. Шмиттер увязывают успешность демократического перехода со своего рода чистотой, или гомогенностью, политической повестки. Если главный конфликт фокусируется на проблеме демократизации, то сценарий транзита выглядит, как правило, предсказуемым. Но ситуация заметно усложняется, когда «разделение на сторонников и противников старого режима происходит не по „классовому“ признаку», а когда во главу угла ставятся этническая проблематика или «вопросы идентичности»³⁵. Следует отметить, что именно проблема идентичности является одной из ключевых в политической повестке находящихся в стадии поставторитарной модернизации Тайваня и Южной Кореи, которые представляют собой части разделенных наций.

Также на эмпирическом материале модернизационных моделей Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии видно, что именно транзитология позволяет описать феномен переходного – или гибридного, сочетающего в себе элементы авторитарной и демократической политических культур – режима как динамической системы.

³² Шмиттер Ф. Размышления о «транзитологии»: раньше и теперь. С. 14.

³³ Исаев Б. А. Условия, факторы, периоды и циклы развития демократии. С. 272.

³⁴ Растоу Д. А. Указ. соч. С. 12.

³⁵ Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Указ. соч. С. 13.

³⁶ Там же. С. 19.

Говоря о транзитологии и о многовариантных моделях перехода от авторитаризма к демократии, нельзя обойти стороной позицию А.Ю. Мельвиля, которая если и не оппонирует изложенному выше мнению о возможности модернизационных сценариев, отличных от классического западного, то, во всяком случае, относится к нему предельно сдержанно. А. Ю. Мельвиль считает, что концепции, легитимирующие разные формы демократий – а следовательно, и создающих их модернизаций, – часто оказываются не творческим развитием представлений о допустимых границах демократической политики, а своего рода «критикой „извне“», «с совсем иных политических и идеологических позиций» ценностей и фундаментальных основ демократии. Исследователь даже систематизирует подобные концепты, среди которых оказываются как раз те представления, которые и обосновывают правомерность мнения о поставторитарной модернизации как самобытном способе развития. Так, А. Ю. Мельвиль относит к «критике „извне“» попытки доказать, что существуют самые разные модели демократии («демократии „с прилагательными“»), что «„незападные“ демократии», возникшие, как правило, в силу своей «цивилизационной исключительности», вполне сопоставимы с демократиями классическими. Наконец, А. Ю. Мельвиль называет «очень сильным политическим и интеллектуальным искушением думать, что демократизация может прийти после успешной социально-экономической модернизации, спускаемой и навязываемой „сверху“», – даже несмотря на признаваемые самим же исследователем примеры такого транзита из опыта стран Юго-Восточной Азии³⁷. Настоящее исследование имеет целью доказать как раз обратное.

Если же обратиться к переходному по своей природе политическому режиму РФ, то весьма плодотворным для оценки его раннего этапа может оказаться охарактеризованный О. Г. Харитоновой концепт «тоталитарной демократии». Такая демократия возникает при «попытках построения демократии недемократическими методами» и под «лозунгом „демократия – для демократов“»³⁸. Что же касается сегодняшнего состояния политического режима РФ, то его важнейшей и системообразующей особенностью является отмеченная С.Н. Пшизовой неразграниченность между сферой политического и сферой административного, бюрократического. Однако, по мнению исследовательницы, «изменение представлений о соотношении политики и управления» является «общей тенденцией», присущей «всем современным демократиям». «Институты управления политическими процессами» в настоящее время набирают силу повсеместно, и «управляемая демократия» становится «особой разновидностью современных политических режимов», причем – и это замечание С.Н. Пшизовой представляется особенно значимым – данная тенденция проявляется, пусть и с оговорками, не только в «молодых демократиях», но и в «либеральных плюралистических системах»³⁹. То есть налицо взгляд, полностью противоположный приведенной выше концепции А. Ю. Мельвиля.

Думается, что говорить о «демократии „с прилагательными“» – особенно если речь идет о переходных режимах – все-таки правомерно. Следует согласиться с Б. А. Исаевым, считающим, что в диапазоне между авторитаризмом и демократией наличествуют и другие режимы – «с более тонкой градацией»⁴⁰. Так, О.Г. Харитонова, полемизируя с А. Пшеворским, придерживающимся четкого разделения режимов на «демократии» и «диктатуры», считает, что, например, даже между странами гипотетического Евразийского Союза существует заметная разница: Беларусь представляет собой «несоревновательный авторитарный режим», а Казахстан и Россия – это «соревновательные авторитарные режимы», а значит, в них возможен совершенно другой «модернизационный эффект»⁴¹.

³⁷ Мельвиль А.Ю. Указ. соч. С. 274–275.

³⁸ Харитонова О. Г. Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей). С. 77.

³⁹ Пшизова С.Н. Указ. соч. // Полис. 2013. № 6. С. 182; 2014. № 1. С. 41, 42.

⁴⁰ Исаев Б. А. Понятие и типология политических режимов. С. 92.

⁴¹ Харитонова О. Г. Траектории посткоммунистических трансформаций в свете теории демократизации. С. 53.

Схемы, являющиеся продуктом европейской – телеологической по своим историческим истокам – концепции исторического процесса, имеют целый ряд врожденных недостатков. Главный из них заключается в нежизненности и исторической тупиковости самой идеи модернизации ради модернизации. Гибельность модернизации, ищущей основание в собственных формальных принципах, со всей наглядностью проявилась в тоталитарных режимах XX в. В то же время попытки объявить их «ложными», «имитационными» формами модернизации нельзя назвать убедительными уже хотя бы потому, что они не позволяют определить, где проходит грань между «истинной» и «ложной» модернизациями. В конце концов, не существует строгих критериев даже для различения «действительных» и «фиктивных» выборов. До сегодняшнего дня природа и исторический смысл модернизации остаются предметом острых дискуссий. В Европе концепция модернизации в последней четверти XX в. подверглась резкой критике со стороны представителей постструктурализма, или постмодернизма (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, Ж. Липовецки, З. Бауман и др.). Эти ученые трактуют постмодерн как принципиально новую – или, точнее, постисторическую – фазу человеческой цивилизации эпохи глобального капитализма, в которой преодолены предметное знание, оппозиция субъекта и объекта и само понятие личной или общественной идентичности. Постмодерн существует в особом дематериализованном пространстве знаков, которые ничего не обозначают и имеют симулятивную природу. Противники постмодернистских теорий в большинстве своем разделяют тезис о «незавершенности» модернизации в ее классическом толковании и говорят о возможности дальнейшей рационализации жизни, т. е. ее переустройства на разумных началах. Новые средства массовой коммуникации, по их мнению, могут способствовать такому развитию. Эту точку зрения с особенной полнотой развил Ю. Хабермас⁴².

Таким образом, дискуссии вокруг понятия модернизации, как и сам этот процесс, еще далеки от завершения. Поэтому постановка проблемы о специфике протекания модернизации на Востоке – и, в частности, о поставторитарной модернизации как одной из возможных ее форм – является правомерной. Определенные закономерности такой модернизации выявляются при сравнении ее конкретных сценариев в разных странах этого ареала.

Так, если в Южной Корее решающая роль в подготовке модернизационного рывка принадлежала военным (имевшим также свою «партию власти»), то на Тайване начальная модернизация была осуществлена правящей партией – Гоминьданом – и тесно сросшейся с ней государственной бюрократией. До 80-х гг. XX в. Тайвань в политическом отношении представлял собой типичный – правда, постепенно либерализовавшийся – авторитарный режим. При Чан Кайши

Гоминьдан полностью контролировал политическую, общественную и экономическую жизнь на острове. Парламент, правительство и армия были фактически подразделениями Гоминьдана, сама партия была построена в соответствии с ленинским принципом демократического централизма и имела свои организации во всех учреждениях и на всех предприятиях. Управленческие кадры были продуктом внутрипартийного отбора. В армии существовал институт партийных комиссаров. В стране действовала разветвленная служба государственной безопасности, возглавлявшаяся сыном Чан Кайши – Цзян Цзинго. Экономическое развитие регулировалось посредством четырехлетних планов, утверждавшихся на съездах Гоминьдана. Официальной идеологией Гоминьдана были «три народных принципа» Сунь Ятсена, одним из которых, тем не менее, была демократия. А вот личная мораль членов партии зиждилась в основном на заповедях конфуцианства.

В 50-60-х гг. XX в. Тайвань был бедной аграрной страной. Благоприятные условия для модернизации Тайваня, как и для модернизации Южной Кореи, были созданы иностранными инвестициями, прежде всего американскими и японскими. Иностранный капитал привлекали

⁴² Хабермас Ю. Указ. соч. С. 40–52.

на Тайване, как и вообще в аналогичных случаях, дешевизна рабочей силы и сырья, выгодные условия налогообложения. Быстрый рост промышленного производства приводил к повышению уровня общественного благосостояния и, соответственно, к развитию общественной инфраструктуры, образования и – со временем – к появлению начатков гражданского общества.

И все же главные предпосылки модернизации и в Южной Корее, и на Тайване лежат за пределами собственно экономических процессов. Они коренятся в глубинных основаниях общественного сознания. На самом деле Гоминьдан лишь формально напоминал коммунистические партии СССР и КНР, создавшие так называемую административно-командную систему. «Три народных принципа» Сунь Ятсена включали в себя и принцип «народного благосостояния», а целью экономической политики Чан Кайши всегда было достижение «малого процветания» – понятие, заимствованное из конфуцианских канонических текстов. Это обстоятельство во многом обусловило внимание правящих верхов Тайваня к развитию малого и среднего бизнеса, составляющего основу среднего класса. Примечательно, что когда видный тайваньский экономист Ли Годин перечисляет факторы, обеспечившие успех тайваньской модернизации, он ставит «компетентность правительства» на последнее место и вовсе не упоминает четырехлетние экономические планы. На первое место он помещает опору на частный капитал и рыночную экономику, а также тщательную разработку экономических проектов⁴³. Между тем Ли Годин умалчивает об еще одном важном, но редко упоминаемом факторе модернизации: развитие капиталистического предпринимательства было весьма выгодным делом и для верхушки Гоминьдана, создавшей сеть корпораций со смешанным государственным и частным капиталом. К тому же общественная атмосфера на острове, несмотря на острые противоречия политического и даже этнического характера, всегда характеризовалась всеобщим уважением к частной собственности и продуктам чужого труда, а также прививаемыми конфуцианской моралью уступчивостью, сдерживанием субъективных желаний и чувством справедливости. Нельзя забывать и об общей для стран этого мегарегиона этике самоотверженного труда.

В политическом плане приверженность Гоминьдана ценностям демократии как одному из «трех народных принципов» Сунь Ятсена объективно работала против монопольного господства этой партии и фактически лишала законности авторитарный режим, делала его как бы исключением из правила, следствием чрезвычайного положения, по определению временного. По крайней мере, формально Гоминьдан оставался верен принципу «конституционной законности». Когда в 1960 г. закончились два президентских срока, отведенных Чан Кайши конституцией страны, он ввел «временные установления», продлевавшие его полномочия на период «коммунистического мятежа», но не стал менять конституцию. Ситуация в Южной Корее была во многом сходной с тайваньской, причем конфуцианские моральные нормы оказывали там, пожалуй, еще большее воздействие на политическую жизнь.

Если же говорить о развитии демократических свобод в эпоху Гоминьдана, то следует заметить, что проводившиеся режимом репрессии касались лишь небольших групп переселенцев с материка, которых могли подозревать в сочувствии к коммунистам, и представителей местной интеллигенции, которых власти обвиняли в провоцировании сепаратистских настроений. К 70-м гг. XX в. эти репрессии практически прекратились. Более того, даже в 1950-х гг. могли существовать легальные периодические издания, которые критиковали правительство Чан Кайши за авторитарные методы управления. Лозунги демократической оппозиции были хорошо известны широкому слою общества и, главное, допускались властями уже потому, что соответствовали принципам конституции Китайской Республики. Один показательный пример относится к 1956 г. Тогда в ответ на призыв Чан Кайши высказывать предложения о развитии острова журнал «Цхью чжунго» («Свободный Китай») опубликовал программу либерали-

⁴³ Li K.T. Op. cit. P. 54.

зации общественной жизни из 16 пунктов. Эта программа подверглась ожесточенной критике в официальной печати, но никто из редакции журнала не пострадал. Тогда же Мао Цзэдун выступил со своим знаменитым призывом «Пусть расцветают сто цветов» – призывом, который тоже привел к многочисленным выступлениям в поддержку демократических свобод, – но в итоге 400–500 тыс. человек подверглись жестоким гонениям вплоть до тюремного заключения и отправки в исправительно-трудовые лагеря.

В дальнейшем и в Южной Корее, и на Тайване модернизация была результатом комбинации, чаще всего спонтанной, объективных и субъективных факторов. С одной стороны, к середине 1980-х гг. в обеих странах сложился многочисленный средний класс, составлявший до двух третей взрослого населения, а на Тайване прежние различия между этническими группами потеряли свою остроту. С другой стороны, руководящие органы Гоминьдана пополнились молодыми политиками тайваньского происхождения, которые были настроены на демократические реформы. Уже к 1983 г. более 70 % членов Гоминьдана были уроженцами Тайваня⁴⁴

⁴⁴ Ping-lung Jiang, Wen-cheng Wu. Op. cit. P. 81.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.